

13. НИКТО

27 января 2004 года в городе Краснополье в средней школе № 1 обрушились стены и потолок спортивного зала, где проходил урок физкультуры. Погибли учитель и трое учеников.

Президент на экстренном совещании в Краснополье потребовал от Генерального прокурора тщательного расследования причин трагедии: «Виновные в том, что произошло, должны быть установлены. Надо найти всех — от сварщика до начальников, которые все это контролировали. Мы понимаем, что погибших не вернуть, но из этого нужно сделать выводы».

Солидаризируясь с президентом в благородном гневе, я выказываю горький скепсис по поводу виновных и выводов. Я боюсь новых обрушений на людей отечественного социализма в виде подгнивших долгостроев, заброшенных заводских корпусов, неухоженных деревенских дворцов культуры, аврально смонтированных спортзалов и бутиков, обветшавших жилых домов примитивной послевоенной застройки...

Делает меня пессимистом опыт журналистского расследования причин аварии в школе города Г. в конце двадцатого века.

Об аварии в редакцию сообщило письмо, беду наглядно подтвердили приложенные фотографии. Целую страницу занимали подписи родителей.

Авария произошла 15 мая, 26 июня я был в школе. Здание за полтора месяца пропитал запах сырости, гнили. Он остался и в моем блокноте, куда я записал рассказ Директора школы и Уборщицы. Обе женщины руководили восстановительными работами, под началом у них трудились мальчишки пятых-седьмых классов. Ребята выносили ведрами черный шлак из школы, ссыпали его в большую кучу на улице, под деревьями. Женщины таскали тяжелые бревна, полтора месяца назад висевшие над ребяташками в виде потолка.

Рухнуло перекрытие между первым и вторым этажами. Над школьным коридором. Впрочем, это скорее не коридор, а зал. С одной стороны окна, с другой — классы. Просторно! В коридоре-зале проводились массовые мероприятия: линейки, собрания, смотры, танцы.

На стенке у окна висело большое зеркало. Напротив, через коридор, дверь с табличкой «1 кл». Над зеркалом в потолке — пролом, по его краям угрожающе свисали поломанные бревна. На перемене, рассказывала Уборщица, первоклашки крутились у зеркала. Какое счастье, что потолок обрушился ночью! А если бы днем, если бы на перемене...

В акте комиссии, обследовавшей школу на второй день после аварии, было записано: «В настоящее время в срочном порядке необходимо произвести раскрепление зависшего перекрытия для предотвращения обрушения соседних ферм».

Прошло полтора месяца — никто пальцем не ударил, чтобы обезопасить «зависшее перекрытие». Весь потолок прогнулся, и неизвестно, есть ли в соседних балках трещины или нет, упадут они или еще повисят.

Никто не предложил школе помощь. Две женщины, Директор и Уборщица, лезут под нависшие балки, вытаскивают, что под силу. Работящие ребята тоже не боятся опасного потолка. Одна беда вела за собой другую.

Кто же виновен? Кто повесил над головами людей смерть?

Кодекс законов о труде (КЗОТ) гласит, что обеспечение здоровых и безопасных условий труда возлагается на администрацию предприятий, учреждений, организаций. Следовательно, за школьный потолок отвечает Директор. Она это знала. Говорила мне, что после аварии ее мучают во сне кошмары.

Директором бывшая учительница стала в конце августа прошлого года. Придя в эту школу, она, по ее словам, долгое время находилась в шоковом состоянии. Крыша как решето, в подвале по колено воды, отопительная система еле дышит, везде гниль, холод.

Школа была принята по акту 9 августа. Я читал сей документ: «Школа к новому учебному году готова. Оставляет хорошее впечатление...» Под актом — 10 (десять!) подписей ответственных товарищей чиновников, которых сплотила Заведующая отделом народного образования райисполкома, она же председатель приемной комиссии.

В разговоре со мной товарищ Заведующая была решительна, самоуверенна и... саморазоблачительна: «Нас, в роно, по этой школе ничего не волновало. Лишь электрооборудование. Там открытая проводка, нельзя поставить электроплиты. Школа числилась у нас как лучшая. Принимали ее всегда комиссионно. Когда мне сообщили, что там упала часть потолка, я удивилась. Это была для меня новость».

Журналист битый и тертый, я предусмотрел, что чиновница будет изворачиваться, лгать. До разговора с ней я изучил историю несчастной школы. Я знал, что ее бывший директор, не надеясь на помощь роно, просила отремонтировать крышу и потолок шефа — совхоз «Авангард». Не упростила. От родителей я узнал, что много лет они обивают пороги городских и районных инстанций, в том числе и кабинет Заведующей. Боль у родителей одна: школа, где зимой температура плюс четыре, дети сидят в верхней одежде, часто болеют, на голову им падает штукатурка.

Я выстрелил в Заведующую очередь верных фактов. Но не поразил. Поразила она меня: «Нам ваши факты не известны».

Был у меня в запасе еще документ под названием «Смета на ремонт крыши». Эту смету четыре года назад по инициативе бывшего директора школы на общественных началах составили сослуживцы ее мужа-строителя. Они точно знали, что надо сделать, чтобы в скором будущем не рухнул потолок. Цитирую: «Смена стропильных ног, замена кровли, смена треугольных ферм из бревен, накладок, брусьев, крепление деревянных стропил хомутами».

Превратить смету в конкретные стропила, брусья, хомуты должен был шеф, официально назначенный райисполкомом, -- совхоз «Авангард». Но не превратил. Лишь благоустроил территорию вокруг школы. Отказ от ремонта Директор совхоза мотивировал следующим образом: «Я готов оплачивать, а строить не буду! Нет людей. Мне эту школу отфутболил райисполком».

Председатель райисполкома, как выяснилось, знал о вышеупомянутой смете. «Та смета была неграмотна! -- веско сказал мне Председатель. Она была неофициальна. Неизвестно, кто и зачем ее составлял. Поэтому два года назад мы приняли решение: пока не делать ремонт, так как он нерентабелен». -- «Хотелось бы знать, кто конкретно принял такое решение», -- спросил я. «Комиссия! -- уверенно ответил Председатель. -- Документ вам будет предоставлен. Позвоните через два дня».

Вы, читатель, может быть, подумали, что я поверил Председателю и стал ждать обещанный документ? Нет, в подобных ситуациях я уже бывал. Я знал, что товарищ Председатель решил испытать мое терпение, это входило в правила административного футбола.

Я решил проверить: грамотна или неграмотна была смета, могла ли она предотвратить аварию? Помог мне Прораб по строительству совхоза «Авангард», который вспомнил, что пару лет тому по просьбе Директора школы лазил на чердак и исследовал конструкции. Кровля была в дырках, на чердак лилось, он шатался, здание угрожало жизни, требовался срочный ремонт. Прораб совхоза высказал свое мнение Директору школы -- и был таков. Его дети в этой школе не учились.

Профессиональную компетентность прораба я решил проверить у старшего Инженера по техническому надзору городского отдела народного образования. Существует такая должность, есть такой Инженер, извиняюсь, Инженерша, есть у нее кабинет, письменный стол, телефон, оклад, премия. Об аварии она знала. Посмотрев принесенную мною смету, сказала: «Если бы мероприятия, четыре года назад заложенные в вашу смету, были выполнены, потолок не обвалился бы. Особенно кстати были бы треугольные фермы из бревен».

Я спросил: «Если бы ваш технадзор забил тревогу о гнилых балках лет десять назад, школа была бы сегодня целой? Входит ли в ваши задачи контроль за состоянием школьных зданий?»

Она меня удивила: «Не входит. Это задача -- бюро технической инвентаризации горисполкома. А наше дело -- капитальный ремонт по заявке роно. Однако из роно никаких просьб не поступало, никто не говорил, что эта школа разваливается».

И отправился я в бюро технической инвентаризации города Г. Представился его Начальнику, который ... ничего не слышал об аварии в позаброшенной школе. Начальник врал открыто, безбожно, ведь все жители города Г. знали о рухнувшем школьном потолке.

На мой вопрос о периодичности осмотра школ специалистами БТИ Начальник ответил быстро: четыре года. «Когда же ваша служба последний

раз проверяла техническое состояние школы?» -- уточнил я. Начальник вздохнул, долго рылся в папках, нашел бумажку, молча подал мне.

Документ свидетельствовал, что последний раз БТИ проверяло школу восемь лет назад. Мне стало неловко от недобросовестности Начальника. А ему хоть бы что! Антихрист без передышки отфутболил меня в профсоюзы, где тоже есть технический контроль за школами.

В областном совете профсоюзов Инспекторша длинным сиреневым ногтем, не проронив при этом ни слова, подчеркнула знакомый мне параграф КЗОТ о том, что за безопасность здания отвечает директор учреждения. Чтобы навсегда расстаться со мной, она дала еще один адрес: ЦК профсоюзов работников просвещения, где есть технический инспектор труда, отвечающий за школьные здания.

(Того Инспектора я разыскал, вернувшись в столицу. Им оказалась товарищ миловидная чиновница, тоже когтистая, как черт. Она подвела итог в моем расследовании, сообщив, что «качественный контроль за состоянием школ в стране не налажен, все отдано на откуп шефам, а шефы делают со школами что хотят».)

Выйдя от областного профсоюзного Инспектора, я стал звонить в райисполком Председателю. Помните, два дня назад он пообещал мне документ, отменивший смету на ремонт школы? Телефон неизменно брала секретарь и, услышав мою фамилию, неизменно отвечала, что Председатель сейчас очень занят.

Забегая вперед, скажу, что через две недели, уже из Минска, я все-таки дозвонился Председателю. И был рад услышать, что мою просьбу он «держит на контроле», что документ мне дадут в приемной в течение двух дней.

Через два дня секретарь приятным голосом протараторила мне в трубку, что документ, к сожалению, не нашелся. Признаюсь, она меня не удивила. К лживому начальству я был психологически подготовлен всем опытом советской жизни.

Итак, документа, перечеркнувшего спасительную смету на ремонт школы, не существовало. Существовал товарищ Никто, благодаря которому произошла авария. Этот же товарищ Никто готовил в той же школе новую аварию. Я не оговорился: новую, повторную аварию, которая произойдет через семь лет и заберет жизнь маленькой девочки. Я видел, как готовилась трагедия. Я очень хотел ее предотвратить, ради этого осознанно превышал журналистские полномочия. Но у меня ничего не получилось, и через семь лет родители погибшей девочки назовут меня беспринципным пособником преступления.

В городе Г. я провел неделю. Почти каждый день виделся с Директором школы. Она щедро делилась новостями, почувствовав во мне помощника. Она не забывала, как ей вручили аварийное здание школы, обманув благополучным актом. Теперь Директор проявляла бдительность. Когда в роно ей намекнули, что, может, обойдемся восстановительным ремонтом, она запротестовала: обеспечит безопасность только капитальный ремонт!

Родители, прослышав о том, что в школе хотят лишь залатать потолок, срочно собрались. Председатель родительского комитета разыскала меня в гостинице, вручила протокол общешкольного родительского собрания: «Если не будет осуществлен капитальный ремонт, то в латаную школу мы своих детей не приведем».

Кроме роно, в городе Г. имелось гороно, а там при всей начальственной атрибутике сидела Заведующая. В моем блокноте, пропахшем гнилой школой, зафиксирован ее смертоубийственный приговор будущей жертве: «Надо заменить балку. Совсем несложное дело. Документация уже готова. К новому учебному году балка будет сделана». Заведующая говорила не о школе -- о балке. О сущем пустячке.

Проектно-сметную документацию на ремонт балки готовила Инженер горремстройтреста. «Я говорила начальству, что в школе нужен капитальный ремонт, -- призналась она,-- но мне сказали: решено капремонт отложить». -- «Кем решено?» -- «Не знаю, мое дело -- смета. Что сказано -- я заложила». -- «Но ваша смета не спасет детей от смерти, если обрушится потолок». -- «А вы меня не учите, в чем не разбираетесь!» -- Инженер надулась своей профессией. Чтобы она не лопнула, я ушел.

Вечером ко мне в гостиницу явилась делегация родительского комитета, сплошь мамы. Мамы рассказали, что днем ходили на прием к Председателю райисполкома. Он их не принял. Женщины окружили и силой задержали Председателя на выходе из здания, вручили протест против ремонта балки. Вырвавшись от женщин, садясь в служебную машину, Председатель злорадно посоветовал: «Собирайте всех мужей, выносите из школы шлак, настилайте стекловату. Шевелитесь, чтобы на ваших детей потолки не валились. Наймите одного специалиста, чтобы вами руководил».

Хором рассказывая о Председателе, мамы хором плакали от оскорбления и отчаяния. В женский хор я вставлял мужской речитатив: «Не плачьте, мерзавец не достоин ваших слез!»

Строители горремстройтреста появились в школе в конце моей командировочной недели. Наяву было оперативное решение товарища Никто. Все-таки своим присутствием корреспондент влиял на него. Товарищ Никто, оставаясь наглым и безнаказанным, боится гласности, ненавидит журналистов. Чтобы скомпрометировать меня, Председатель пытался устроить провокацию.

В школьном коридоре, у зеркала, я увидел кучу свежих досок. В потолке зиял разобранный пролом. Сквозь дыры в крыше голубело доброе небо. Трое мужчин громко пререкались у досок. Главный инженер проводил воспитательную беседу со своими плотниками: одного, вдрызг пьяного, прогнал с объекта, второго, умеренно пьяного, поставил ремонтировать потолок.

«Какая сметная стоимость ремонта?» -- поинтересовался я. -- «Не знаю, -- сказал Главный инженер, -- смету не видел, не читал, что они там насочиняли».

Без ознакомления с проектно-сметной документацией Главный инженер приступил к сложнейшей работе — восстановлению перекрытия длиной девять метров. Он был не специалист. Это был все тот же товарищ Никто.

В пустой школе гуляло эхо: бух-ух! Бух-ух! Стучал топор пьяного плотника, который под руководством товарища Никто вырубал в школьном потолке новый обвал. Над нашими детьми, над нашим будущим звучал убийственный гром.

В «Литературной газете» моя корреспонденция не появилась. В редакцию пришло письмо от Директора школы. Она писала: «С благодарностью вспоминаю реальную помощь газеты в ремонте школы. До вмешательства корреспондента Козловича дело не двигалось, потом пошло очень быстро и хорошо. Были выделены солдаты, они помогли заменить потолок к новому учебному году. Я прощупала каждое бревнышко своими руками. В райисполкоме меня убедили, что капитальный ремонт не решит проблемы школы, нужна ее перестройка, она запланирована на будущий год. Прошу не публиковать материал корреспондента, а держать на контроле».

Идиома «держать на контроле» почерпнута из бюрократического лексикона Председателя райисполкома. Я уверен, что именно он «убедил» директора школы сочинить письмо в редакцию. Наобещал, наврал, пригрозил. Она испугалась и поверила. За что жестоко поплатилась.

Через семь лет, в декабре, в городе Г. был сильный ветер. В тот день у мамы ученицы первого класса известной мне школы Оли П. не зазвонил будильник, и они проспали. Оля пошла на второй урок. Она открыла школьную дверь, ступила за порожек, и тут ветер с пушечным выстрелом захлопнул за ней дверь. От удара рухнуло межэтажное перекрытие. И Олю убило.

До школьной перемены оставалось минут пять.

Было проведено расследование. Я зримо представлял путь следователя по кабинетам, где семь лет назад побывал я. В тех кабинетах сидели уже другие начальники. Те, семилетней давности, переместились в кабинеты повыше. Мои знакомые чиновники из города Г. заняли более солидные руководящие кресла. Все как один! Как единый безликий товарищ Никто!

Товарищ Никто поднимается выше и выше. Может случиться, что он будет способен обрушить голубое небо над нами.

Работа следователя в городе Г. не пропала даром, как работа журналиста. Виновником трагедии суд признал Директора школы, поскольку она не обеспечила безопасных условий. Директор получила три года тюрьмы.

Мне жаль наивную сердобольную руководящую женщину. Я видел, как она волновалась за детей, за школу, я верю, что она добросовестно «щупала бревнышки». Директор виновна в смерти Оли меньше всех. Ее вина только в том, что она поверила товарищу Никто, который школу не перестроил, как обещал.

Вполне возможно, что по аналогии, формально руководствуясь КЗОТ, предъявят обвинения и директору Краснопольской школы. Это проще простого. Всех действительно виновных не обвинишь, не посадишь в тюрьму, ибо в таком случае придется закрыть государство.

Жители Краснополя знали и вслух говорили, что средняя школа № 1 смертельно опасна, но государство в лице товарища Никто оставалось глухим. Родители возмущались и волновались, что школу-долгострой поставили в болоте, но товарищ Никто оставался слепым.

Он нам никогда не был товарищем. Больше так его не зовите. Ни в чем ему не верьте, как безответственно верили раньше. Всеобщим недоверием к Никто искупите свою вину перед жизнями первоклассницы Оли П. из города Г., десятиклассников Краснопольской СШ № 1 Саши Прусова, Ани Акиншевой, Вити Боброва, учителя Петра Васильевича Любашенко.

Никто есть товарищ сатаны. Он превращает нас в ничто.

2004

www.kamunikat.org